

Военное
детство

В. БОГОМОЛОВ
ИВАН

Военное детство

Владимир Богомоллов

Иван

Издательство «Детская литература»

1957

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Богомолов В. О.

Иван / В. О. Богомолов — Издательство «Детская литература»,
1957 — (Военное детство)

ISBN 978-5-08-006279-7

Двенадцатилетний Иван – настоящий разведчик. Маленький и незаметный в тылу, он делает эту взрослую работу лучше, чем многие старшие товарищи. Учиться он собирается – но когда-нибудь потом, после войны. А пока он должен отомстить за свою семью: погибшего отца, убитую младшую сестренку, без вести пропавшую мать. К 75-летию Победы в Великой Отечественной войне. Для среднего школьного возраста.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-08-006279-7

© Богомолов В. О., 1957
© Издательство «Детская
литература», 1957

Содержание

1	7
2	15
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Владимир Богомолов Иван

Серия «Военное детство»
Серийное оформление О. Рытман

© Богомолов В. О., наследники, 1957
© Верейский О. Г., наследники, рисунки, 1972
© Оформление серии. АО «Издательство «Детская литература», 2019

* * *

1941–1945

К 75-летию Победы

в Великой Отечественной войне

1

В ту ночь я собирался перед рассветом проверить боевое охранение и, приказав разбудить меня в четыре ноль-ноль, в девятом часу улегся спать.

Меня разбудили раньше: стрелки на светящемся циферблате показывали без пяти час.

– Товарищ старший лейтенант... а товарищ старший лейтенант... разрешите обратиться... – Меня с силой трясли за плечо. При свете трофейной плашки, мерцавшей на столе, я разглядел ефрейтора Васильева из взвода, находившегося в боевом охранении. – Тут задержали одного... Младший лейтенант приказал доставить к вам...

– Зажгите лампу! – скомандовал я, мысленно выругавшись: могли бы разобраться и без меня.

Васильев зажег сплюснутую сверху гильзу и, повернувшись ко мне, доложил:

– Ползал в воде возле берега. Зачем – не говорит, требует доставить в штаб. На вопросы не отвечает: говорить, мол, буду только с командиром. Вроде ослаб, а может, прикидывается. Младший лейтенант приказал...

Я, привстав, выпростал ноги из-под одеяла и, протирая глаза, уселся на нарах. Васильев, ражий детина, стоял передо мной, роняя капли воды с темной, намокшей плащ-палатки.

Гильза разгорелась, осветив просторную землянку. У самых дверей я увидел худенького мальчишку лет одиннадцати, всего посиневшего от холода и дрожавшего; на нем были мокрые, прилипшие к телу рубашка и штаны; маленькие босые ноги по щиколотку были в грязи; при виде его дрожь пробрала меня.

– Иди стань к печке! – велел я ему. – Кто ты такой?

Он подошел, рассматривая меня настороженно-сосредоточенным взглядом больших, необычно широко расставленных глаз. Лицо у него было скуластое, темновато-серое от въевшейся в кожу грязи. Мокрые, неопределенного цвета волосы висели клочьями. В его взгляде, в выражении измученного, с плотно сжатыми, посиневшими губами лица чувствовалось какое-то внутреннее напряжение и, как мне показалось, недоверие и неприязнь.

– Кто ты такой? – повторил я.

– Пусть он выйдет, – клацая зубами, слабым голосом сказал мальчишка, указывая взглядом на Васильева.

– Подложите дров и ожидайте наверху! – приказал я Васильеву.

Шумно вздохнув, он, не торопясь, чтобы затянуть пребывание в теплой землянке, поправил головешки, набил печку короткими поленьями и, так же не торопясь, вышел. Я тем временем натянул сапоги и выжидающе посмотрел на мальчишку.

– Ну что же молчишь? Откуда ты?

– Я Бондарев, – произнес он тихо с такой интонацией, будто эта фамилия могла мне что-нибудь сказать или же вообще все объясняла. – Сейчас же сообщите в штаб, «пятьдесят первому», что я нахожусь здесь.

– Ишь ты! – Я не мог сдержать улыбки. – Ну а дальше?

– Дальше вас не касается. Они сделают сами.

– Кто это «они»? В какой штаб сообщить и кто такой «пятьдесят первый»?

– В штаб армии.

– А кто это – «пятьдесят первый»?

Он молчал.

– Штаб какой армии тебе нужен?

– Полевая почта вэ-че сорок девять пятьсот пятьдесят...

Он без ошибки назвал номер полевой почты штаба нашей армии. Перестав улыбаться, я смотрел на него удивленно и старался все осмыслить.

Грязная рубашонка до бедер и узкие короткие порты на нем были старенькие, холщовые, как я определил, деревенского пошива и чуть ли не домотканые; говорил же он правильно, заметно акая, как говорят в основном москвичи и белорусы; судя поговору, он был уроженцем города.

Он стоял передо мной, поглядывая исподлобья, настороженно и отчужденно, тихо шмыгая носом, и весь дрожал.

– Сними с себя все и разотрись. Живо! – приказал я, протягивая ему вафельное не первой свежести полотенце.

Он стянул рубашку, обнажив худенькое, с проступающими ребрами тельце, темное от грязи, и нерешительно посмотрел на полотенце.

– Бери, бери! Оно грязное.

Он принялся растирать грудь, спину, руки.

– И штаны снимай! – скомандовал я. – Ты что, стесняешься?

Он, так же молча повозившись с набухшим узлом, не без труда развязал тесьму, заменявшую ему ремень, и скинул портки. Он был совсем еще ребенок, узкоплечий, с тонкими ногами и руками, на вид не более десяти-одиннадцати лет, хотя по лицу, угрюмому, не по детски сосредоточенному, с морщинками на выпуклом лбу, ему можно было дать, пожалуй, и все тринадцать. Ухватив рубашку и портки, он отбросил их в угол, к дверям.

– А сушить кто будет – дядя? – поинтересовался я.

– Мне всё привезут.

– Вот как! – усомнился я. – А где же твоя одежда?

Он промолчал. Я собрался было еще спросить, где его документы, но вовремя сообразил, что он слишком мал, чтобы иметь их.

Я достал из-под нар старый ватник ординарца, находившегося в медсанбате. Мальчишка стоял возле печки спиной ко мне – меж торчавшими острыми лопатками чернела большая, величиной с пятиалтынный, родинка. Повыше, над правой лопаткой, багровым рубцом выделялся шрам, как я определил, от пулевого ранения.

– Что это у тебя?

Он взглянул на меня через плечо, но ничего не сказал.

– Я тебя спрашиваю, что это у тебя на спине? – повысив голос, спросил я, протягивая ему ватник.

– Это вас не касается. И не смейте кричать! – ответил он с неприязнью, зверовато сверкнув зелеными, как у кошки, глазами, однако ватник взял. – Ваше дело – доложить, что я здесь. Остальное вас не касается.

– Ты меня не учи! – раздражаясь, прикрикнул я на него. – Ты не соображаешь, где находишься и как себя вести. Твоя фамилия мне ничего не говорит. Пока ты не объяснишь, кто ты, и откуда, и зачем попал к реке, я и пальцем не пошевелю.

– Вы будете отвечать! – с явной угрозой заявил он.

– Ты меня не пугай, – ты еще мал! Играть со мной в молчанку тебе не удастся! Говори толком: откуда ты?

Он закутался в доходивший ему почти до щиколоток ватник и молчал, отвернув лицо в сторону.

– Ты просидишь здесь сутки, трое, пятеро, но, пока не скажешь, кто ты и откуда, я никуда о тебе сообщать не буду! – объявил я решительно.

Взглянув на меня холодно и отчужденно, он отвернулся и молчал.

– Ты будешь говорить?

– Вы должны сейчас же доложить в штаб «пятьдесят первому», что я нахожусь здесь, – упрямо повторил он.

– Я тебе ничего не должен, – сказал я раздраженно. – И пока ты не объяснишь, кто ты и откуда, я ничего делать не буду. Заруби это себе на носу!.. Кто это – «пятьдесят первый»?

Он молчал, сбычась, сосредоточенно.

– Откуда ты?.. – с трудом сдерживаясь, спросил я. – Говори же, если хочешь, чтобы я о тебе доложил!

После продолжительной паузы – напряженного раздумья – он выдавил сквозь зубы:

– С того берега.

– С того берега? – Я не поверил. – А как же попал сюда? Чем ты можешь доказать, что ты с того берега?

– Я не буду доказывать. Я больше ничего не скажу. Вы не смеете меня допрашивать – вы будете отвечать! И по телефону ничего не говорите. О том, что я с того берега, знает только «пятьдесят первый». Вы должны сейчас же сообщить ему: Бондарев у меня. И всё! За мной приедут! – убежденно выкрикнул он.

– Может, ты все-таки объяснишь, кто ты такой, что за тобой будут приезжать?

Он молчал.

Я некоторое время разглядывал его и размышлял. Его фамилия мне ровно ничего не говорила, но, быть может, в штабе армии о нем знали? – за войну я привык ничему не удивляться.

Вид у него был жалкий, измученный, однако держался он независимо, говорил же со мной уверенно и даже властно: он не просил, а требовал. Угрюмый, не по-детски сосредоточенный и настороженный, он производил весьма странное впечатление; его утверждение, будто он с того берега, казалось мне явной ложью.

Понятно, я не собирался сообщать о нем непосредственно в штаб армии, но доложить в полк было моей обязанностью. Я подумал, что они заберут его к себе и сами уяснят, что к чему; а я еще сосну часика два и отправлюсь проверять охранение.

Я покрутил ручку телефона и, взяв трубку, вызвал штаб полка.

– «Третий» слушает. – Я услышал голос начальника штаба капитана Маслова.

– Товарищ капитан, «восьмой» докладывает! У меня здесь Бондарев. Бон-да-рев! Он требует, чтобы о нем было доложено «Волге»...

– Бондарев?.. – переспросил Маслов удивленно. – Какой Бондарев? Майор из оперативного,веряющий, что ли? Откуда он к тебе свалился? – засыпал вопросами Маслов, как я почувствовал, обеспокоенный.

– Да нет, какой тамверяющий! Я сам не знаю, кто он: он не говорит. Требуется, чтобы я доложил в «Волгу» «пятьдесят первому», что он находится у меня.

– А кто это – «пятьдесят первый»?

– Я думал, вы знаете.

– Мы не имеем позывных «Волги». Только дивизионные. А кто он по должности, Бондарев, в каком звании?

– Звания у него нет, – невольно улыбаясь, сказал я. – Это мальчик... понимаете, мальчик лет двенадцати...

– Ты что, смеешься?.. Ты над кем развлекаешься?! – заорал в трубку Маслов. – Цирк устраивать?! Я тебе покажу мальчика! Я майору доложу! Ты что, выпил или делать тебе нечего? Я тебе...

– Товарищ капитан! – закричал я, ошарашенный таким оборотом дела. – Товарищ капитан, честное слово, это мальчик! Я думал, вы о нем знаете...

– Не знаю и знать не желаю! – кричал Маслов запальчиво. – И ты ко мне с пустяками не лезь! Я тебе не мальчишка! У меня от работы уши пухнут, а ты...

– Так я думал...

– А ты не думай!

– Слушаюсь!.. Товарищ капитан, но что же с ним делать, с мальчишкой?

– Что делать?.. А как он к тебе попал?

– Задержан на берегу охранением.

– А на берег как он попал?

– Как я понял... – Я на мгновение замялся. – Говорит, что с той стороны.

– «Говорит!» – передразнил Маслов. – На ковче-самолете? Он тебе плетет, а ты и развесил уши. Приставь к нему часового! – приказал он. – И если не можешь сам разобраться, передай Зотову. Это их функции – пусть занимается...

– Вы ему скажите: если он будет орать и не доложит сейчас же «пятьдесят первому», – вдруг решительно и громко произнес мальчик, – он будет отвечать!..

Но Маслов уже положил трубку. И я бросил свою к аппарату, раздосадованный на мальчишку и еще больше на Маслова.

Дело в том, что я лишь временно исполнял обязанности командира батальона, и все знали, что я «временный». К тому же мне был всего двадцать один год, и, естественно, ко мне относились иначе, чем к другим комбатам. Если командир полка и его заместители старались ничем это не выказывать, то Маслов – кстати, самый молодой из моих полковых начальников – не скрывал, что считает меня мальчишкой, и обращался со мной соответственно, хотя я воевал с первых месяцев войны, имел ранения и награды.

Разговаривать таким тоном с командиром первого или третьего батальона Маслов, понятно, не осмелился бы. А со мной... Не выслушав и не разобравшись толком, раскричаться... Я был уверен, что Маслов неправ. Тем не менее мальчишке я сказал не без злорадства:

– Ты просил, чтобы я доложил о тебе, – я доложил! Приказано посадить тебя в землянку, – приврал я, – и приставить охрану. Доволен?

– Я сказал вам доложить в штаб армии «пятьдесят первому», а вы куда звонили?

– Ты «сказал»!.. Я не могу сам обращаться в штаб армии.

– Давайте я позвоню. – Мгновенно выпростав руку из-под ватника, он ухватил телефонную трубку.

– Не смей!.. Кому ты будешь звонить? Кого ты знаешь в штабе армии?

Он помолчал, не выпуская, однако, трубку из руки, и вымолвил угрюмо:

– Подполковника Грязнова.

Подполковник Грязнов был начальником разведотдела армии; я знал его не только понаслышке, но и лично.

– Откуда ты его знаешь?

Молчание.

– Кого ты еще знаешь в штабе армии?

Опять молчание, быстрый взгляд исподлобья и сквозь зубы:

– Капитана Холина.

Холин – офицер разведывательного отдела штабарма – также был мне известен.

– Откуда ты их знаешь?

– Сейчас же сообщите Грязнову, что я здесь, – не ответив, потребовал мальчишка, – или я сам позвоню!

Отобрав у него трубку, я размышлял еще с полминуты, решившись, крутанул ручку, и меня снова соединили с Масловым.

– «Восьмой» беспокоит. Товарищ капитан, прошу меня выслушать, – твердо заявил я, стараясь подавить волнение. – Я опять по поводу Бондарева. Он знает подполковника Грязнова и капитана Холина.

– Откуда он их знает? – спросил Маслов устало.

– Он не говорит. Я считаю нужным доложить о нем подполковнику Грязнову.

– Если считаешь, что нужно, – докладывай, – с каким-то безразличием сказал Маслов. – Ты вообще считаешь возможным лезть к начальству со всякой ерундой. Лично я не вижу оснований беспокоить командование, тем более ночью. Несolidно!

– Так разрешите мне позвонить?

– Я тебе ничего не разрешаю, и ты меня не впутывай... А впрочем, можешь позвонить Дунаеву. Я с ним только что разговаривал, он не спит.

Я соединился с майором Дунаевым, начальником разведки дивизии, и сообщил, что у меня находится Бондарев и что он требует, чтобы о нем было немедленно доложено подполковнику Грязнову...

– Ясно, – прервал меня Дунаев. – Ожидайте. Я доложу.

Минуты через две резко и требовательно зазуммерил телефон.

– «Восьмой»?.. Говорите с «Волгой», – сказал телефонист.

– Гальцев?... Здорово, Гальцев! – Я узнал низкий, грубоватый голос подполковника Грязнова; я не мог его не узнать: Грязнов до лета был начальником разведки нашей дивизии, я же в то время был офицером связи и сталкивался с ним постоянно. – Бондарев у тебя?

– Здесь, товарищ подполковник!

– Молодец! – Я не понял сразу, к кому относилась эта похвала: ко мне или к мальчишке. – Слушай внимательно! Выгони всех из землянки, чтобы его не видели и не приставали. Никаких расспросов и о нем – никаких разговоров! Вник?... От меня передай ему привет. Холин выезжает за ним; думаю, часа через три будет у тебя. А пока создай все условия! Обращайся поделикатней, учти: он парень с норовом. Прежде всего дай ему бумаги и чернила или карандаш. Что он напишет – в пакет и сейчас же с надежным человеком отправь в штаб полка. Я дам команду, они немедленно доставят мне. Создашь ему все условия и не лезь с разговорами. Дай горячей воды помыться, накорми, и пусть спит. Это наш парень. Вник?

– Так точно! – ответил я, хотя мне многое было неясно.

* * *

– Кушать хочешь? – спросил я прежде всего.

– Потом, – промолвил мальчик, не подымая глаз.

Тогда я положил перед ним на стол бумагу, конверты и ручку, поставил чернила, затем, выйдя из землянки, приказал Васильеву отправляться на пост и, вернувшись, запер дверь на крючок.

Мальчик сидел на краю скамейки спиной к раскалившейся докрасна печке; мокрые порты, брошенные им ранее в угол, лежали у его ног. Из заколотого булавкой кармана он вытащил грязный носовой платок, развернув его, высыпал на стол и разложил в отдельные кучки зернышки пшеницы и ржи, семечки подсолнуха и хвою – иглы сосны и ели. Затем с самым сосредоточенным видом пересчитал, сколько было в каждой кучке, и записал на бумагу.

Когда я подошел к столу, он быстро перевернул лист и посмотрел на меня неприязненным взглядом.

– Да я не буду, не буду смотреть, – поспешно заверил я.

Позвонив в штаб батальона, я приказал немедленно нагреть два ведра воды и доставить в землянку вместе с большим казаном. Я уловил удивление в голосе сержанта, повторявшего в трубку мое приказание. Я заявил ему, что хочу мыться, а была половина второго ночи, и, наверно, он, как и Маслов, подумал, что я выпил или же мне делать нечего. Я приказал также подготовить Царивного – расторопного бойца из пятой роты – для отправки связным в штаб полка.

Разговаривая по телефону, я стоял боком к столу и уголком глаза видел, что мальчик разграфил лист бумаги вдоль и поперек и в крайней левой графе по вертикали выводил крупным детским почерком: «...2 ...4, 5...» Я не знал и впоследствии так и не узнал, что означали эти цифры и что он затем написал.

Он писал долго, около часа, царапая пером бумагу, сопя и прикрывая лист рукавом; пальцы у него были с коротко обгрызенными ногтями, в ссадинах; шея и уши – давно не мытые. Время от времени останавливаясь, он нервно покусывал губы, думал или же припоминал, посапывал и снова писал. Уже была принесена горячая и холодная вода – не впустив никого в зем-

лянку, я сам занес ведра и казан, – а он все еще скрипел пером; на всякий случай я поставил ведро с водой на печку.

Закончив, он сложил исписанные листы пополам, всунул в конверт и, послунив, тщательно заклеил. Затем, взяв конверт побольше размером, вложил в него первый и заклеил так же тщательно.

Я вынес пакет связному – он ожидал близ землянки – и приказал:

– Немедленно доставьте в штаб полка. По тревоге! Об исполнении доложите Краеву...

Затем я вернулся, разбавил воду в одном из ведер, сделав ее не такой горячей. Скинув ватник, мальчишка влез в казан и начал мыться.

Я чувствовал себя перед ним виноватым. Он не отвечал на вопросы, действуя, несомненно, в соответствии с инструкциями, а я кричал на него, угрожал, стараясь выпытать то, что знать мне было не положено, – как известно, у разведчиков имеются свои, недоступные даже старшим штабным офицерам тайны.

Теперь я готов был ухаживать за ним как нянька; мне даже захотелось вымыть его самому, но я не решался: он не смотрел в мою сторону и, словно не замечая меня, держался так, будто, кроме него, в землянке никого не было.

– Давай я спину тебе потру, – не выдержав, предложил я нерешительно.

– Я сам! – отрезал он.

Мне оставалось стоять у печки, держа в руках чистое полотенце и бязевую рубашку – он должен был ее надеть, – и помешивать в котелке так кстати не тронутый мною ужин – пшенную кашу с мясом.

Вымывшись, он оказался светловолосым и белокожим; только лицо и кисти рук были потемней от ветра или же от загара. Уши у него были маленькие, розовые, нежные и, как я заметил, асимметричные: правое было прижато, левое же топырилось. Примечательным в его скуластом лице были глаза, большие, зеленоватые, удивительно широко расставленные; мне, наверно, никогда не доводилось видеть глаз, расставленных так широко.

Он вытерся досуха и, взяв из моих рук нагретую у печки рубашку, надел ее, аккуратно подвернув рукава, и уселся к столу. Настороженность и отчужденность уже не проглядывали в его лице; он смотрел устало, был строг и задумчив.

Я ожидал, что он набросится на еду, однако он зацепил ложкой несколько раз, пожевал вроде без аппетита и отставил котелок, затем так же молча выпил кружку очень сладкого – я не пожалел сахара – чая с печеньем из моего допайка и поднялся, вымолвив тихо:

– Спасибо.

Я меж тем успел вынести казан с темной-темной, лишь сверху сероватой от мыла водой и взбил подушку на нарах. Мальчик забрался в мою постель и улегся лицом к стенке, подложив ладошку под щеку. Все мои действия он воспринимал как должное; я понял, что он не первый раз возвращается с «той стороны» и знает, что, как только о его прибытии станет известно в штабе армии, немедленно будет отдано приказание «создать все условия»... Накрыв его двумя одеялами, я тщательно подоткнул их со всех сторон, как это делала когда-то для меня моя мать...

2

Стараясь не шуметь, я собрался: надел каску, накинул поверх шинели плащ-палатку, взял автомат – и тихонько вышел из землянки, приказав часовому без меня в нее никого не пускать.

Ночь была ненастная. Правда, дождь уже перестал, но северный ветер дул порывами, было темно и холодно.

Землянка моя находилась в подлеске, метрах в семистах от Днепра, отделявшего нас от немцев. Противоположный, возвышенный берег командовал, и наш передний край был отнесен в глубину, на более выгодный рубеж, непосредственно же к реке выставлялись охраняющие подразделения.

Я пробирался в темноте подлеском, ориентируясь в основном по дальним вспышкам ракет на вражеском берегу, – ракеты взлетали то в одном, то в другом месте по всей линии немецкой обороны. Ночная тишина то и дело всплескивалась отрывистыми пулеметными очередями: по ночам немцы методично – как говорил наш командир полка, «для профилактики», – каждые несколько минут обстреливали нашу прибрежную полосу и саму реку.

Выйдя к Днепру, я направился к траншее, где располагался ближайший пост, и приказал вызвать ко мне командира взвода охранения. Когда он, запыхавшийся, явился, я двинулся вместе с ним вдоль берега. Он сразу спросил меня про «пацана», быть может решив, что мой приход связан с задержанием мальчишки. Не ответив, я тотчас завел разговор о другом, но сам мыслями невольно все время возвращался к мальчику.

Я вглядывался в скрываемый темнотой полукилометровый плёс Днепра, и мне почему-то никак не верилось, что маленький Бондарев с того берега. Кто были люди, переправившие его, и где они? Где лодка? Неужто посты охранения просмотрели ее? Или, может, его спустили в воду на значительном расстоянии от берега? И как же решились спустить в холодную осеннюю воду такого худенького, малосильного мальчишку?..

Наша дивизия готовилась форсировать Днепр. В полученном мною наставлении – я учил его чуть ли не наизусть, – в этом рассчитанном на взрослых, здоровых мужчин наставлении было сказано: «...если же температура воды ниже +15°, то переправа вплавь даже для хорошего пловца исключительно трудна, а через широкие реки невозможна». Это если ниже +15°, а если примерно +5°?

Нет, несомненно, лодка подходила близко к берегу, но почему же тогда ее не заметили? Почему, высадив мальчишку, она ушла потихоньку, так и не обнаружив себя? Я терялся в догадках.

Между тем охранение бодрствовало. Только в одной вынесенной к самой реке ячейке мы обнаружили дремавшего бойца. Он «кемарил» стоя, привалившись к стенке окопа, каска сползла ему на глаза. При нашем появлении он схватился за автомат и спросонок чуть было не прошил нас очередью. Я приказал немедля заменить его и наказать, отругав перед этим вполголоса и его самого, и командира отделения.

В окопе на правом фланге, закончив обход, мы присели в нише под бруствером и закурили с бойцами. Их было четверо в этом большом, с пулеметной площадкой окопе.

– Товарищ старший лейтенант, как там с огольцом, разобрались? – глуховатым голосом спросил меня один; он дежурил, стоя у пулемета, и не курил.

– А что такое? – поинтересовался я, настораживаясь.

– Так. Думается, не просто это. В такую ночку последнего пса из дома не выгонят, а он в реку полез. Какая нужда?.. Он что, лодку шукал, на тот берег хотел? Зачем?.. Мутный оголец – его хорошенько проверить надо! Его прижать покрепче, чтоб заговорил. Чтоб всю правду из него выдавить.

– Да, мутность есть вроде, – подтвердил другой не очень уверенно. – Молчит и смотрит, говорят, волчонком. И раздет почему?

– Мальчишка из Новосёлок, – неторопливо затянувшись, соврал я (Новосёлки было большое, наполовину сожженное село километрах в четырех за нами). – У него немцы мать угнали, места себе не находит... Тут и в реку полезешь.

– Вон оно что!..

– Тоскует, бедолага, – понимающе вздохнул пожилой боец, что курил, присев на корточки против меня; свет сигарки освещал его широкое, темное, поросшее щетиной лицо. – Страшней нет, чем тоска! А Юрлов все дурное думает, все гадкое в людях выискивает. Нельзя так, – мягко и рассудительно сказал он, обращаясь к бойцу, стоявшему у пулемета.

– Бдительный я, – глухим голосом упрямо объявил Юрлов. – И ты меня не укоряй, не переделаешь! Я доверчивых и добрых терпеть не могу. Через эту доверчивость от границы до Москвы земля кровью напоена!.. Хватит!.. А в тебе доброты и доверия под самую завязку, одолжил бы немцам чуток, души помазать!.. Вы, товарищ старший лейтенант, вот что скажите: где одёжа его? И чего он все ж таки в воде делал? Странно все это; я считаю – подозрительно!..

– Ишь, спрашивает, как с подчиненного! – усмехнулся пожилой. – Дался тебе этот мальчишка, будто без тебя не разберутся. Ты бы лучше спросил, что командование насчет водочки думает. Стылость, спасу нет, а погреться нечем. Скоро ли давать начнут, спроси. А с мальчишкой и без нас разберутся...

...Посидев с бойцами еще, я вспомнил, что скоро должен приехать Холин, и, простившись, двинулся в обратный путь. Провожать себя я запретил и скоро пожалел об этом; в темноте я заблудился, как потом оказалось, забрал правее и долго блукал по кустам, останавливаемый резкими окриками часовых. Лишь минут через тридцать, прозябнув на ветру, я добрался к землянке.

К моему удивлению, мальчик не спал.

Он сидел в одной рубашке, свесив ноги с нар. Печка давно утухла, и в землянке было довольно прохладно: легкий пар шел изо рта.

– Еще не приехали? – в упор спросил мальчик.

– Нет. Ты спи, спи. Приедут – я тебя разбужу.

– А он дошел?

– Кто – он? – не понял я.

– Боец. С пакетом.

– Дошел, – сказал я, хотя не знал: отправив связного, я забыл о нем и о пакете.

Несколько мгновений мальчик в задумчивости смотрел на свет гильзы и неожиданно, как мне показалось, обеспокоенно спросил:

– Вы здесь были, когда я спал? Я во сне не разговариваю?

– Нет, не слышал. А что?

– Так. Раньше не говорил. А сейчас – не знаю. Нервеность во мне какая-то, – огорченно признался он.

Вскоре приехал Холин. Рослый темноволосый красавец лет двадцати семи, он ввалился в землянку с большим немецким чемоданом в руке. С ходу сунув мне мокрый чемодан, он бросился к мальчику:

– Иван!

При виде Холина мальчик вмиг оживился и улыбнулся. Улыбнулся впервые, обрадованно, совсем по-детски.

Это была встреча больших друзей – несомненно, в эту минуту я был здесь лишним. Они обнялись, как взрослые; Холин поцеловал мальчика несколько раз, отступил на шаг и, тиская его узкие, худенькие плечи, разглядывал его восторженными глазами и говорил:

– ...Катасоныч ждет тебя с лодкой у Диковки, а ты здесь...

– В Диковке немцев – к берегу не подойдешь, – сказал мальчик, виновато улыбаясь. – Я плыл от Сосновки. Знаешь, на середине выбился, да еще судорога прихватила – думал, конец...

– Так ты что – вплавь?! – изумленно вскричал Холин.

– На полене. Ты не ругайся – так пришлось. Лодки наверху, и все охраняются. А ваш тузик в такой темноте, думаешь, просто сыскать? Враз застукают! Знаешь, выбился, а полено крутится, выскальзывает, и еще ногу прихватило, ну, думаю: край! Течение!.. Понесло, понесло... не знаю, как выплыл.

Сосновка был хутор выше по течению, на том, вражеском берегу, – мальчика снесло без малого на три километра. Было просто чудом, что ненастной ночью, в холодной октябрьской воде, такой слабый и маленький, он все же выплыл...

Холин, обернувшись, энергичным рывком сунул мне свою мускулистую руку, затем, взяв чемодан, легко поставил его на нары и, щелкнув замками, попросил:

– Пойди подгони машину поближе, мы не смогли подъехать. И прикажи часовому никого сюда не впускать и самому не заходить – нам соглядатаи ни к чему. Вник?..

Это «вник» подполковника Грязнова привилось не только в нашей дивизии, но и в штабе армии: вопросительное «Вник?» и повелительное «Вникни!».

Когда минут через десять, не сразу отыскав машину и показав шоферу, как подъехать к землянке, я вернулся, мальчишка совсем преобразился.

На нем была маленькая, сшитая, как видно, специально на него, шерстяная гимнастерка с орденом Отечественной войны, новенькой медалью «За отвагу» и белоснежным подворотничком, темно-синие шаровары и аккуратные яловые сапожки. Своим видом он теперь напоминал воспитанника – их в полку было несколько, – только на гимнастерке не было погон; да и выглядели воспитанники несравненно более здоровыми и крепкими.

Чинно сидя на табурете, он разговаривал с Холиным. Когда я вошел, они умолкли, и я даже подумал, что Холин послал меня к машине, чтобы поговорить без свидетелей.

– Ну, где ты пропал? – однако сказал он, выказывая недовольство. – Давай еще кружку и садись.

На стол, застеленный свежей газетой, уже была выложена привезенная им снедь: сало, копченая колбаса, две банки консервов, пачка печенья, два каких-то кулька и фляжка в суконном чехле. На нарах лежал дубленый мальчиковый полушубок, новенький, очень нарядный, и офицерская шапка-ушанка.

Холин «по-интеллигентному», тонкими ломтиками, нарезал хлеб, затем налил из фляжки водку в три кружки: мне и себе до половины, а мальчику на палец.

– Со свиданьем! – весело, с какой-то удалью проговорил Холин, поднимая кружку.

– За то, чтоб я всегда возвращался, – задумчиво сказал мальчик.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.